

12 1987

ISSN 0131-8063

РАБОЧАЯ СМЕНА

Не бойтесь — наш дракон ручной! Он прилетел с новогодним подарком из рубрики «Пальцем в небо», которой будет покровительствовать в предстоящий год Дракона

Сергей КАЗМЕНКО

ЗАПАС ПРОЧНОСТИ

Рассказ

Нет, что бы там ни говорили, я лично всегда рассчитываю на самый худший вариант. У меня, знаете, опыт богатый, на всякое насмотрелся. Теория вероятностей, конечно, вещь серьезная, но я лично предпочитаю руководствоваться в жизни, так сказать, теорией невероятностей. Всегда нужно иметь такой запас прочности, чтобы его хватило на самое невероятное стечение неблагоприятных обстоятельств. Потому, кстати говоря, наши «грузовики» и летают долго, что именно с таким запасом прочности они построены. Взять, к примеру, тот рейс на Элингору...

Вы, наверное, представляете, что это значит — на Элингору попасть. Если бы кто заранее сказал, что я туда попаду, я бы уж как-нибудь да отвертелся. Взял бы больничничный, в отпуск ушел. Просто уволился бы, на худой конец. Все лучше, чем пропадать ни за что. Но до последнего ни я, ни кто другой из экипажа и знать не знали, что нам уготовано. Ну, а как получили распоряжение о переадресовке груза, так деваться некуда — полетели. И при этом оказались мы после разгрузки на Элингоре с совершенно пустыми трюмами.

То ли по глупости, то ли еще по какой причине, но эти из планового похватали все, какие были, заказы на транспортировку грузов с Элингоры и нам их навесили. Плановикам, конечно, невдомек было, что это не пыль алмазную и не слитки иридиевые везти, что элингорский груз особого обращения требует.

Элингорская цивилизация, вы ведь знаете, специализируется на генной инженерии. Страшилищ всяких, значит, выводит для разных нужд. Я там раз пять бывал и такого насмотрелся, что вспоминать тошно. Они это дело на поток поставили, гонят всякую погань день и ночь. Конечно, иногда и полезное что сотворят, но мне так без этих творений жилось бы гораздо лучше...

Сами понимаете, везти яйца, личинку или живых зверят — дело трудное. И грузополучатели эту работу, конечно, дополнительно оплачивают, но нам-то от их безналичной оплаты ни тепло и ни холодно, нам премии за эту работу не идут. Потому весь экипаж уже при подлете к Элингоре чертыхался, а я злился больше всех. Но делать-то было нечего. В управлении космопорта получил я список того, что нам везти предстояло. Рехнуться можно. Каждая гадина из этого списка особого обращения требовала. А их, гадин, в списке почти полсотни. Попытался я, конечно, со своим начальством поругаться, да это дело гиблое оказалось. У них в таких случаях всегда связь с помехами работает — не поймешь, о чем говорят. Плюнул я и пошел распоряжение на погрузку отдавать. Ладно, думаю, если что в дороге попортится, сами расхлебывать будут. Хотя, по правде, не помню, чтобы за такие дела кто из руководства когда платил.

Должен вам еще сказать, что зря мы порой на ино-

планетян киваем, что, дескать, у них порядок идеальный и все такое. Где порядок, а где беспорядок. В хваленом элингорском космопорту, к примеру, еще ни разу не было, чтобы они груз какой не перепугали. То вместо бычков медоносных колючку хинную подсунут, то вместо дрожжей концентрат вируса оспы звездной — ну, той, от которой пятна на Солнце. И на нас же еще валят: вы, мол, путаницу в документах допускаете.

Так что и я не спал почти, следил за погрузкой. И все-таки не углядел. Вышли мы уже на стартовую орбиту, когда заявился ко мне третий помощник и сообщил, что в левом трюме стоит контейнер, который в погрузочных документах не значится.

Я сразу проверил — и

впрямь лишний контейнер подсунули. И громадный притом. Половину трюма перегородил, да так, что не развернешься и не закрепíš его толком. Ясное дело, я тут же с космопортом связался, а они: ах, ах, накладочка вышла, но вы особо не переживайте, это вам почти что по пути будет, на Кумполу этот контейнер забросить. Ну не возвращаться же, в самом деле, назад из-за этого контейнера. Нам перерасход горючего на посадку лишнюю никто не спишет. А вот заход на Кумполу через бухгалтерию спокойно пройдет. Обругал я раззяв элинггорских, как мог, но согласился и этот контейнер везти. Доставили нам через полчаса все документы на него, подписал я гарантийное обязательство да и отвалил.

Но если уж не везет, то не

везет. Пока на стартовой орбите маневрировали, какой-то пижон из межгалактических перевозок въехал нам прямо по борту излучателем и был таков. Даже номера его я записать не успел. Всегда так — стоит самому хоть малость нарушить правила орбитального движения, пространство там искривить или скорость превысить — патруль тут как тут. Санкции, межпланетные осложнения, премию урезают. А как тебе борт помнут — ни о каком патруле и не слышать, никто ничего не видел. Скрипнул я со злости зубами да выругался хорошенько.

Так что не сразу выкроил время документы на груз толком посмотреть: на Плутонии предстояло выгрузить шестнадцать рылороев вертлявых, они в замороженном состоянии перевозились, затем на Алкидии — один ма-а-ленький ящичек со спорами гриба-дергунчика, который при погрузке так умудрились запрятать, что

весь правый носовой трюм теперь следовало разгрузить. Я в тот день даже ругаться устал, так что, удостоверившись, что до ящичка этого без полной разгрузки не добраться, только расхохотался. Так и продолжал хохотать, уже не останавливаясь. Прочитаю очередную бумагу и хохочу, как последний идиот, благо — дело в каюте было, никто не видел. Понагрузили нам и объедалок незаметных, и водохлебов болотных, и пачкунов черных, и рвачей клыкастых, и скалозубов нежных, и паразитов обольстительных, не говоря уже о контейнерах с микроорганизмами и спорами. Хорошо еще, что почти все находились либо в замороженном состоянии, либо в анабиозе, и только лопарь ограниченный был вполне жизнедеятелен, но и вполне безопасен, пока никто не покушался на герметичность его контейнера.

В общем, всласть я похотал, пока добрался до последней бумаги — на контейнер, что нам по ошибке погрузили. Тут уж мне стало не до смеха.

Я знаю, есть такие, которым драконы в принципе не нравятся. Но я лично против них ничего не имею. В некоторых мирах без дракоидных просто не обойтись. Другое дело, что не следует попадаться им на глаза в период кормежки. Уж больно у них аппетит зверский. И подышают драконы большей частью именно от обжорства. Когда едят, остановиться уже не способны и съедают все, что оказывается в пределах досягаемости. Перед кормежкой поэтому их загоняют в прочные клетки, чтобы можно было дозировать рацион. Жрать же драконы способны все что угодно. Вот это-то их свойство и использовали элинггорцы, создав новую по-

роду для работы на городских свалках. Очень удобно: живоглот ненасытный уничтожает все, что ни привезут, никакой проблемы утилизации. Немного дыма из пасти — и все. Вполне понимаю и тех, кто этого живоглота создавал, и тех, кто его использовать собирался. Но вот нам на корабле он был явно ни к чему. Как прочитал, что в контейнере спит дракон и для того, чтобы он не проснулся, необходимо проморозить помещение, так меня пот холодный прошиб.

Потому что в левом кормовом трюме холодильная установка третий месяц уже не работала.

Как ошпаренный, выскочил я в коридор и помчался в рубку. Хорошо еще, что день был, никто из экипажа не спал, и удалось быстро организовать ремонтную бригаду. Кое-как раскурочили холодильник в правом трюме и наладили в левом.

Через полчаса там уже зуб на зуб не попадал, живоглот не подавал признаков жизни, и можно было спокойно отдыхать до следующей тревоги.

Но вот тут-то все и началось.

Зашел я к себе в каюту, чтобы руки вымыть, глянул в зеркало и обмер. Весь лоб черный. Вот, думаю, совсем распустился экипаж, грязищу какую развели. Отмылся с трудом, в коридор выхожу и вижу штурмана нашего, с ног до головы черного. Замазался, говорит, где-то, и шмыг мимо меня в душевую. И тут меня осенило. Кинулся назад в каюту, открыл папку с документами — так и есть. Пачкун черный, он же чисто-плотный, в большом количестве выделяет сажу, являющуюся продуктом его обмена. И контейнер с усыпленными пачкунами стоял как раз в правом кормовом трюме, который мы разморозили, чтобы заморозить левый. Я — туда: все в саже, насилу контейнер этот злополучный отыскал. Размороженные пачкуны пооживали и расплозились по кораблю.

Пока я бегал, выяснял, что

да как, твари эти успели набедокурить. Один из пачкунов проник в рубку и прямо по пульту пробежался, а третий помощник, что там дежурил, с перепугу въехал пальцем вместо кнопки вызова в кнопку общей тревоги, чего он без моего приказа делать никакого права не имел. Я же предупреждал: не работает у нас пульт аварийного обеспечения, все его функции теперь обеспечиваются кнопкой общей тревоги. Уже месяц, как контакты перепаяли. Ну, и, понятное дело, как он на кнопку эту надавил, так все аварийные системы и врублись. И сирены завывли, и энергия отключилась, и красные лампочки кое-где позагорались, и некоторые межотсечные переборки — те, что исправны были, — загерметизировались, и система пожаротушения заработала, к счастью, лишь на камбузе, где никого не было, а то мало кто из экипажа остался бы в живых. Спасательный катер тут же наружу выбросило, но в нем горячего не оказалось, так что никуда он не улетел, мы его потом назад сумели поставить. В общем, тарарам поднялся невообразимый. Никто ничего понять не может. Кто к скафандрам

кинулся, кто на свой пост пробиться попытался, а я, как последний дурак, тыркался в герметичную трюмную задвижку и ничего не мог поделать. Минут через двадцать только сумел в полной темноте найти в противоположном конце трюма исправное переговорное устройство и связаться с рубкой.

К тому времени я уже догадался, что случилось, и приказал третьему помощнику немедленно отключить общую тревогу. А этот умник мне отвечает: не могу, дескать. Сюда, говорит, твари какие-то забрались, я в сейфе сижу и выйти боюсь. Какие еще, спрашиваю, твари, а у самого мурашки по коже пошли, потому что сообразил я, в чем дело. Энергия-то и к контейнерам подаваться перестала, а без нее кое-кто оживать начал и по кораблю расплзаться. И стал я вдруг слышать какие-то шевеления и шорохи за спиной среди контейнеров, вспоминая лихорадочно, кто же в этом трюме может еще ожить и чем мне это грозит.

Ну, а третий помощник тем

временем отвечает: не знаю, мол, что это за твари, только одна из них так в ногу вцепилась, что клочок штанов оторвала. Маленькие, говорит, такие, не больше кошки размером. Тут я сразу сообразил, о ком речь. Шесть ног у них, спрашиваю. Он отвечает, что, кажется, да, а сам, чувствуется, весь дрожит. Тогда, говорю, нечего придуриваться, вылезай из сейфа и отменяй тревогу. Это, говорю, многошкурники стыдливые, и нрав у них, согласно инструкции по уходу, совершенно безобидный. Говорю это и сам дрожать начинаю, потому что сзади какой-то подозрительный треск раздается. А помощник мне тем временем отвечает, что, может, по инструкции многошкурники и безобидные, но пачкуна, что в рубку забрался, уже сожрали, даже костей не оставили, и он все это в щелку прекрасно видел. Они, говорит, наверное, инструкцию не читали. Но в этот момент у меня за спиной такие жуткие вопли раздались, что я не выдержал и так рывкнул в пере-

говорное устройство, что третий помощник пулей из сейфа вылетел и отменил тревогу.

Не знаю, почему он остался в живых. Многошкурники, как я уточнил впоследствии, безобидны лишь в сытом состоянии, а питаются исключительно свежим мясом. Я тоже не пострадал. Те жуткие крики, которые вывели меня из равновесия, издавал клоп-благозвучник, а он питается исключительно сахарным сиропом. Но я же этого тогда знать не мог.

Когда рассказываю о том, что было дальше, некоторые смеются. Окажись они на нашем месте, было бы не до смеха. За каких-нибудь полчаса корабль превратился в космический зверинец. Отовсюду лезли проснувшиеся или размороженные зверюги, по коридорам разносились рвущие душу вопли, все смешались, и если чего не хватало для полной катастрофы, так это проснувшегося живоглота.

Но этого мы не допустили.

Именно тут сказался тот многократный запас прочности, о котором я говорил в самом начале рассказа. Половина экипажа оказалась отрезанной и буквально замурованной в районе каюткомпания из-за того, что вырвавшиеся на свободу личинки шелкопряда безумного стремительно сожрали все синтетические коврики в коридорах и каютах и затем, перед оукливанием, наглухо заплели проходы в носовую часть корабля. Но мы справились теми силами, что были в наличии, потому что в состав экипажа включается, как правило, вдвое больше народу, чем это необходимо для работы. Один из рылороев, как впоследствии оказалось, забрался прямо в распределительный щит в реакторном отсеке и полакомился там медными проводами. Но щит-то этот уже три месяца как был отключен из-за неисправности, ток шел по временным, проложенным прямо по полу кабелям, и мы лишь потом, приводя корабль в исправность на базе, заметили учиненный рылороем по-

гром. Наш штурман, который в продолжение всей тревоги усердно отмывался от сажи и ни о чем не подозревал, выйдя из душевой, тут же вляпался в один из плевков слонтяя клещащего да так и не смог отклеиться до утра следующих суток. Но мы прекрасно обошлись и без штурмана, как не раз обходились без него, когда он возвращался навеселе из очередного космопорта. Червек-кактус благовонный забрался в главный фильтр системы вентиляции, и, если бы эта система работала, как минимум половине экипажа пришел бы конец. Ну, а экзофаг благодушный, так тот вообще нам очень помог, когда забросил свой наружный желудок через канализационную систему на камбуз и проглотил кока: вытаскивая последнего, мы извлекли и больше сотни банок припрятанных коком консервов, которые тот давно списал как испортившиеся.

Короче, ничто не могло вывести окончательно из строя наш корабль, экипаж держался и был способен держаться и дальше, так как у нас имелся достаточный запас прочности для того, чтобы противостоять любому из гадов, погруженных на Элингоре. Любому, кроме живоглота ненасытного. Вырвись он на свободу — и мы бы не устояли.

Чего только ни делали, что-

бы не дать живоглоту проснуться! Отреставрированная холодильная установка в трюме, само собой, вышла из строя после выключения энергии, и запустить ее снова так и не удалось до самого конца рейса. Кто-то предложил было выбросить контейнер за борт — терять-то все равно уже нечего, — но он так прочно заклинился поперек трюма, что все попытки сдвинуть этот огромный ящик с места привели лишь к тому, что за борт вылетела передвижная лебедка вместе с двумя членами экипажа. Эти двое сумели все-таки забраться назад, а вот лебедка так и сгинула, хотя для корабля был бы лучше обратный вариант. Между тем, пока мы безуспешно пытались вытолкнуть контейнер за борт, кто-то из стажеров надумал — без моего ведома, конечно, — прорезать в борту плазменным резаком дыру так, чтобы контейнер освободился и вывалился из трюма сам собой. К счастью, этот юный энтузиаст не смог выбраться наружу, потому что выходные шлюзы были заблокированы невероятно раздувшимися водохлебами болотными — они добрались-таки до наших танков с водой...

И тут, заглянув в лоцию, я понял вдруг, что спасение рядом: всего лишь в несколь-

Рисунки Николая БАЙРАЧНОГО

ПЕТЬ ХОЧЕТСЯ, А ГОЛОСА НЕТ

Мне всего 15 лет, но я уже успела запутаться. И вся моя беда в главном моем увлечении — в музыке. Я пою давно. Пою часто и много. Но песни мои взораживают только обычных людей. Специалисты говорят, что у меня нет голоса. Когда я услышала это в первый раз, была просто шокирована. Неужели я никогда не выйду на сцену, не смогу петь для многих! Мне не нужны слава и аплодисменты. Я хочу, чтобы людям было лучше и светлей от моих песен. Что же мне делать!

Лена,
г. Челябинск

Ответить Лене мы попросили народного артиста СССР Армена ДЖИГАРХАНИЯ

Порыв — чтобы людям было лучше и светлей — прекрасен. Подарить хорошее настроение — что может быть лучше!

Все так. Но чтобы сказать Лене что-то конкретное, а именно этого она и ждет, нужно ехать в Челябинск. Послушать Лену, посмотреть в лицо, понять...

Конечно, спору нет, в более выгодном положении, увы, те, кто имеет возможность нанять репетитора или добиваться индивидуального внимания к себе. Хотя жизнь в итоге тоже может не сложиться.

И все же мне есть что сказать Лене: как-никак в театре и кино сыграно почти сто ролей — сто судеб.

Знаешь выражение «свобода — это осознанная необходимость»? Я бы перефразировал: жизнь — это осознанная необходимость. Если ты живешь как живется, плывешь по течению и только злишься — по всей видимости, ничего особенного и не получится. Первая крупная неудача сделает из тебя пессимиста.

Я не очень верю в «высокое предназначение», призвание. Говорят об этом много... А я вот собирался в политехнический и неожиданно поступил в театральный, работать пошел рано, учился и работал, и во мне что-то работало, перемальвалось, ломалось, клеилось... Всегда хотел успеть больше других. Честолюбие? Да, грызет и не дает успокаиваться. У меня двое взрослых детей. Я всегда внушал им, что не терплю праздности, беспечности, лени и вот этого самого вопроса «ка что мне делать?». Как «что»? Жить! Шевелить мозгами, падать, вставать, не стесняться предлагать себя в одном деле, другом, третьем... Сейчас сын заканчивает факультет журналистики, дочь, никогда не помышлявшая о сцене, пошла в театр, собирается в ГИТИС на заочный...

Мне нравится такой тип человека — превозмогающий. Таким был Суворов, слабый и болезненный от природы и закаливший себя. Демосфен с камешками во рту все-таки перекричал шум прибора и стал великим оратором. Я знаю замечательную балерину, у нее предрасположенность к полноте, но никто (!) не догадывается об этом, видя ее на сцене. Многие писатели говорят: если пишется легко, так и знай — придется выбрасывать написанное в корзину. Все, что удивляет, рождается через преодоление.

Нужен и талант, но как вы объясните себе, например, загадку Марка Бернеса? С точки зрения вокальных данных у него был не голос, а «антиголос». Бернес не пел — произносил речитатив. Любая приемная комиссия забракела бы сегодня и Шарля Азнавура, задумай он поступать в наше учебное заведение, и многих других. А я думаю, это очень хорошо, что они оказались «безголосыми». Голос требует, так сказать, большого ухода, а на многое другое уже не остается ни сил, ни времени. Пусть не обижаются оперные певцы, но за их пением я часто не вижу Личности. Вот Бернес такой личностью был.

Одному природа дает возможность петь для миллионов, выступать в Гранд-опера или Ла Скала. Другому вроде ничего не достается. Он сидит в тесной комнатке общежития, настраивает гитару, а напротив — пара влюбленных глаз. И у первого, и у второго возможности счастья совершенно равны. Тут природа не властна.

Записала Светлана НОВИКОВА

ких сутках полета лежала такая планета — Желобина. Населяет ее жулье, известное и на другом конце Галактики, и именно на это я сделал ставку. С давних времен была у меня припрятана одна штучковина: стирающая резинка называется. На Земле как-то достал у одного коллекционера. Поколдовал я с ней немного над документами на злополучный контейнер, и получилось, будто бы контейнер этот с самого начала был адресован именно желобинцам. Связался я с их космодромом, совершил посадку, выгрузил контейнер и ходу. Кое-что у нас по мелочи стащить, конечно, успели, но это уже было несущественно. Главное, от опасного груза мы избавились и до базы дотянули.

Там, само собой, шуму было много. Комиссии всякие понаехали, проверяли-перепроверяли, но в конце концов весь наш погибший груз благополучно списали. Это же мелочь — какой-то груз с какого-то звездолета. Пустяк в масштабах всей Галактики. Списали — и дело с концом. Тем более — между нами говоря — они по случаю и еще кое-что списали. Подумаешь, пропажа груза какого-то звездолета. Да хоть десять звездолетов. Хоть сто. Мы, земляне, даже не заметим. И раньше никогда не замечали.

Но история-то на этом не закончилась. В нашем контейнере, оказывается, вовсе не живоглот был, а самые обыкновенные консервы из копченого инфузоревого мяса. Я однажды пробовал в министерском буфете — язык проглотил. А мы, как последние идиоты, в контейнер не заглянули, живоглота боялись. А он тем временем на другом звездолете вместо этих консервов на Землю прибыл и попал на центральный импортный склад, после чего все, что на складе хранилось, списать пришлось.

Ну да что нам, землянам, склад какой-то! Мы ведь привычные, мы ведь все перенесем. Ведь недаром у нас такой запас прочности образовался.